

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

ТАЛИСМАН
БЕЛОЙ ВОЛЧИЦЫ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Талисман Белой Волчицы : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-219754-3

Подметные письма с угрозами купцу Никодиму Кретову, поджог его баржи, грабеж обозов и бунт на заводе в таежном Тесинске — все говорит о том, что братьев Кретовых кто-то очень хочет поссорить. Ведь подозрение сразу падает на младшего, Михаила Кретова, — при поджоге парохода «Амур» и складов на заводе видели будто бы его. Но у Михаила — железное алиби. И агент сыскальной полиции Алексей Поляков, прибывший в Тесинск под видом горного инженера, может это алиби подтвердить. При пожаре складов он был в доме купца вместе с местным учителем и его племянницей Машей, которую ранила стрела самострела, явно предназначенная Михаилу... Да и сам Алексей до этого попал под обвал, явно кем-то подстроенный. Во всем этом видна чья-то умелая рука...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-219754-3

© Мельникова И., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Не собирайте себе сокровищ
на земле, где моль и ржа истреб-
ляют и где воры подкапывают и
крадут;

Но собирайте себе сокровища
на небе, где ни моль, ни ржа не
истребляет и где воры не подко-
пывают и не крадут;

Ибо, где сокровище ваше, там
будет и сердце ваше.

Евангелие от Матфея,

Гл. 6, 19—21.

ПРОЛОГ

Уже который день он брел по горной тайге, караб-
кался по скалам, минуя обрывистые теснины. Руки по-
секло о камни, и они дрожали от страшного напряже-
ния. Плечи немели, а сердце колотилось у самого горла.
В одном месте ноги заскользили, повисли над пропа-
стью, но в последний момент подвернулся под руку ко-
рявый корень лиственницы, не позволил скатиться вниз.
Винчестер с оборванным ремнем загремел по уступам в
темную глубину. Человек присел на камень, ощупал се-
бя, убедился, что цел, и решил больше не рисковать.
Обошел скалы через заснеженный перевал, хотя и про-
валивался местами в свежий еще снег по пояс.

Собака царапалась следом, тихо повизгивала, ласти-
лась и жалобно заглядывала в глаза на коротких приви-
лах: боялась, что хозяин бросит ее в столь гиблых местах.
Кое-где он ее подсаживал, где-то втаскивал на скалы за
холку. Так и шли они вместе днем, а ночью дремали,
прижавшись друг к другу, — человек и собака, затеряв-

шиеся в никем не меренной сибирской тайге и уже не верившие, что когда-нибудь выйдут к жилью, к людям, к теплу...

Наступало утро, и мужчина снова брел и брел среди диких скал и лесов, карабкался по террасам и спускался в распадки, изможденный усталостью, с избитыми в кровь ступнями и коленями, голодный и оборванный. И только перелетные ватаги гусей указывали ему единственно правильный путь — на юг.

Жалкий провиант давно кончился, вся живность пряталась в кутерьме налетевшего вдруг бурана. Ветер через два дня стих, но повалил снег, густой и липкий, который превратил одежду в толстый ледяной панцирь. Руцьи и верховья рек затянуло льдом до весны. Человек шел наугад по неведомому распадку, уходящему в темную, затянутую сизой мглой тайгу, и думал о том, что ночь уже не переживет: не останется сил развести костер, тем более поддерживать огонь и крутиться с боку на бок, обогреваясь со всех сторон. Сморит его сон, и, возможно, уже навсегда. Он не знал, идет ли следом собака, не было сил оглянуться.

Что это за лес? Куда он забрел? Это уже не волновало его. Только стучало в голове: «Надо идти... Пропадешь... Надо спешить...»

Сухой кашель разрывал легкие, надсаживал горло. Уже ни во что не веря, он садился прямо на снег, отдыхал. Потом с трудом делал сотню шагов и вновь садился. Заиндевевшие пихты и кедры стояли в сонном оцепенении, сквозь их вершины проступали ребристые хребты незнакомых ему гор. В беспамятстве он уже почти полз, почернев от голода и мороза, все чаще и чаще поглядывая на собаку, но съесть ее не решался. Она тоже сдала. Безднадежно искала дичь в заваленной снегом тайге, виновато опустив голову, плелась сзади, хватая пастью снег.

К вечеру стали докучать ему страшные видения, собака издали настороженно поглядывала и сторонилась хозяина, видимо, чуяла, что от голода нашло на него полубезумное помрачение. Наконец мужик упал на коле-

ни, долго глядел на тяжелый тулун¹ с золотом, и гримаса то ли улыбки, то ли ненависти искривила его спекшееся, обмороженное лицо. Он затолкал тулун под нательную рубаху, попытался подняться и понял, что ноги больше не несут его. И тогда он пополз, и слезы, которые он не замечал, текли по его лицу и замерзали в свалившейся, забитой снегом борде.

Опять поплыли кошмары, и, когда в укромном распадке понесло вдруг на него костровым дымом, он посчитал это за новую блажь. Но собака еще доверяла своим глазам, поэтому, обогнав человека, прыжками мчалась к костру, взвизгивая и заваливаясь на бок от слабости...

Из котелка на снегу топорщились ноги разваренной птицы. Человек выбросил мясо на снег. Голод все-таки не совсем высушил его мозг. Он понимал, что тяжелая пища скрутит кишки в узел, и загнется он в двух шагах от спасения, от того, что не успел справиться с жадностью. Поэтому он, обжигаясь и давясь, принялся глотать жирный навар — бульон, в котором варилась птица. Горячая пища взбудрила его, сорвала пелену с глаз. Мужчина оглянулся в смятии, испугавшись, что копалуха² стала добычей не менее голодной собаки. Но она, ворча, жадно хватала и тоже давилась добытыми из-под снега внутренностями и головой птицы.

Человек удовлетворенно срыгнул и откинулся на лапник, разбросанный у костра. Копалуху он вернул в котелок и пристроил его у изголовья, боясь, что собака доберется до его добычи. Но она улеглась у него в ногах, положила морду на лапы и закрыла глаза, точно так же, как ее хозяин, который впервые за долгое время почувствовал, что теперь уж точно выкарабкается...

Очнулся он от тяжелого взгляда. Испуганно вздернул голову. Краем глаза заметил собаку. Шельма, довольно урча, догрызала копалуху. А он и не слышал, когда

¹ Кожаный мешочек, в котором старатели хранили золото.

² То есть глухарка (*диалектн.*).

она подкралась и утащила из-под руки котелок. Мужчина приподнялся на локтях, ища взглядом, чем бы запустить в негодницу-воровку, и только тут заметил дремучего старика, что сидел на корточках по другую сторону костра и угрюмо взирал на дикого обличьем приبلудного гостя.

Он был без шапки. Седые волосы по лбу опоясывал ремешок, лицо изрыли глубокие, словно овраги, морщины, а блеклые глаза под кустистыми бровями как будто пронзали пришельца насквозь и выворачивали наизнанку. Старик продолжал молча пялиться на мужика, не спуская с колен длинное, похоже, еще кремниевое ружье. Одет он был в короткую шубу волчьим мехом наружу, из-под которой свисала длинная, из домотканого холста рубаха, серели на ногах торбазы из оленьего камуса¹.

Заметив, что пришелец открыл глаза, старик истово перекрестился двумя перстами.

«Раскольник, — сообразил незванный гость. — Отбилсь подальше в тайгу. Наверняка где-то скит поблизости, если простоволосый по лесу шастает...» — и выдал робко:

— Спаси, дедушка, от голода... пропадаю... Я тебя отблагодарю...

Рука лапнула тулун за пазухой, и пришелец облегченно вздохнул. Здесь! На месте, в отличие от копалухи, которая уже исчезла в ненасытной утробе его спутницы по несчастью. Ишь, стерва, даже не вякнула, когда старик подошел! А если б хунхуз² какой или из той бродяжни, что два дня гнала его, как дикого зверя, по реке Тагул? Но сил не было злиться на негодную собачонку, которая променяла его на жирную копалуху. Он опять посмотрел на старика. Тот наливал в берестяную посудину темный настой из второго котелка, который пришелец сразу и не

¹ Камус — мех с ног лося или оленя.

² Хунхуз — разбойник.

заметил. В нем упревали таежные травы, нанося ароматом уже забытого лета.

— Попей отвару, слышь-ка! — впервые подал голос старик. — Должно полегчать!

Человек глотнул раз, другой, почувствовав, как побежала быстрее по жилам кровь, как освобождается от спазмов горло, затем залпом осушил посудину до конца. В глазах и впрямь посветлело. Он увидел перед собой серебристое кружево притихшей в обмете инея тайги.

— Близо Амыл? — с трудом выдавил из себя пришелец.

Но старик, будто не расслышал, заторопил его:

— Вставай, паря, вставай! Торопиться надо, в ночь пурга закрутит...

— Доведи меня до Амыла, золотом заплачу! — Чужак с трудом поднялся на ноги, вытащив из-за пазухи тулун, будто взвесил его, покачав на ладони, и опять повторил хриплым шепотом: — Выведи, дедуня, к реке, клянусь, половину отдам!

Старик удрученно крикнул и мотнул головой:

— Золото, паря, от анчихриста! Не соблазняй, а то прокляну! — и кивнул на лыжню, убегающую вниз по распадку: — Иди уже! Мыльню¹ принять потребно, чтоб очистить тело ото скверны. Мирскую нечисть бог простит! Очухашься немножко, тогда и поговорим.

Носки торбазов скользнули в сыромятные крепления широких, обшитых мехом охотничьих лыж. Старик забросил ружье за спину, накинул на плечо лямку от коротких, без полозьев, больше напоминавших лодку-долбленку, саней, заполненных связками соболей и горностаевых шкур, прикрытых драной дерюжкой.

Он цокнул языком, и собака вдруг сорвалась с места и, весело задрав хвост, помчалась первой по лыжне, оставляя на гладком снегу звездочки следов. Старик легко побежал следом, лишь изредка оглядываясь на чужака,

¹ Мыльня — баня.

который, проваливаясь в снег то по колено, а где и по пояс, с трудом, но тащился за ними.

Неожиданно натянуло тучи, разом завьюжило, и посыпал снег. Стемнело. Внезапно старик остановился. Повернулся к прищельцу. Из-под бровей насмешливо блеснули блеклые глаза.

— Иди-и, сын мой, до той вечной красы в ирий¹, ибо тайну несешь непосильну живому...

Он молниеносно выставил вперед ружье. Чужак, увязший в снегу, ошеломленно взирал на него. Хлестнул металлический шелчок, и прищелец вскинул руки к лицу, словно они могли защитить его от пули, летящей по-охотничьи в глаз. Но удара не последовало. Бердана неожиданно осеклась с первого раза.

Неизвестно, о чем думал человек в этот момент, но наверняка не о божьих заповедях и райских кушах. С замиранием сердца видел он последнее в своей жизни: беспощадно-спокойный прищур глаза над граненым стволом. Рука метнулась к кожаному мешочку на груди: откупиться, задобрить... Но тут же безвольно упала. Добыча и так достанется подлому вражине, обхитрившему его благодушием и притворной отрешенностью от всего мирского.

Грохнул выстрел, и пуля ударила в грудь. Прищелец качнулся в облаке порохового дыма и подивился, что совсем не чувствует боли. Ноги тоже держали крепко, лицо было в порядке. Он ощупал руками грудь и не отыскал дыры в камлейке. Дым рассеялся, и проявился вдруг на снегу старец, завалившийся на спину с дико вытаращенным глазом и разинутым ртом. Из второго глаза торчал ружейный затвор. По щеке густой струйкой текла кровь, густая и черная в подступившей темноте.

Чужака затрясло, как в лихорадке. Тело его ходило ходуном от пережитого ужаса, зубы лязгали, руки выплывали, когда он освобождал плечо старца от лямки.

¹ Ирий — рай.

Стащил отяжелевшее тело в глубокую расщелину, завалял камнями, закидал снегом. Медленно пошел по склону к оставшимся на лыжне саням. Оглянулся на неприкаянную могилу своего неудавшегося убийцы. Руки еще тряслись. В голове метались тревожные мысли. Он бросил взгляд на изувеченную бердану. Видно, в спешке не довернул старец до упора затвор, вот и вышибло его, и пуля ударила не в полную силу...

Он натянул лыжи, вспомнив вдруг, что на старике остались крепкие и теплые торбаза, но не раскапывать же труп по новой, махнул рукой, перекрестился на темный лес и, натянув на плечо лямку от саней, свистнул собаке, выгрызавшей кровавое пятно на снегу. «Ах, чтоб тебя!» — запустил он в нее подвернувшимся сучком и заскользил по лыжне вниз по распадку. Вокруг него глухо ревела и стонала тайга, изо всех сил сопротивляясь холодному ветру, который гнал поземку, замаята следы.

Собака, отворачивая морду от секущего ветра, бежала следом. Наконец лыжня взметнулась на перевал, и внизу вдруг блеснула тусклым огоньком рубленая из толстых бревен изба, рядом с которой курилась дымком крошечная банька. Собака, возбужденно взвизгнув, села на хвост и радостно залаяла, словно отмечая конец их многотрудного, смертельно опасного пути.

Человек остановился у самого крыльца, заваленного чистым, непотревоженным снегом. Прислушался, перекрестился и надавил на дверь ладонью...

ГЛАВА 1

Утро словно вторило его настроению и мыслям — было пасмурным и неприветливым. Горы, поросшие темной тайгой, подернуло грязно-серой пеленой. Вот уже неделю сползают с них на город тяжелые тучи, поливая все вокруг колючим, нудно морозящим дождем. Август. Скоро осень. Первая его осень в Сибири...

Алексей зябко передернул плечами и с отвращением сморщился, представив себя со стороны. Темно-коричневый сюртук, желтая сорочка, галстук, в кармашке носовой платок, черные, до зеркального блеска начищенные штиблеты... Не зря Иван расхохотался, увидев его в этом одеянии. Алексей уже и забыл, когда в последний раз выглядел подобным франтом. Гладко выбрит, чисто вымыт и даже французским одеколоном spraysнут, на голове новая шляпа, а в руке трость, которую неизвестно откуда выкопал Вавилов, но придется и это вытерпеть, не каждый же день агента сыскной полиции в гости к миллионеру приглашают.

Хотя какие гости! Алексей тоскливо огляделся по сторонам. Тартишев откровенно сказал, что терпеть не может Никодима Корнеевича за его занудство и скопидомство и уверен, что его желание встретиться с начальником уголовного сыска не более чем каприз, вернее, приступ самодурства, к которому склонно все это семейство, начиная от благополучно скончавшегося лет пять назад старика Кретова, нажившего свои миллионы на торговле лесом, мехами и спиртом, и кончая его младшим сыном Михаилом — повесой, кутилой и бездельни-